

Н.М. Зиняков¹, О.Е. Пошехонова²

Россия,

¹*Кемерово, Кемеровский государственный университет,*

²*Тюмень Институт проблем освоения Севера ФИЦ ТюмНЦ СО РАН*

Чернометаллические атрибуты шаманского костюма северных селькупов XVIII в. по металлографическим данным

По проблеме сибирского шаманизма существует довольно обширная литература, представленная, прежде всего, трудами этнографов. Среди многочисленных проблем, поднимаемых авторами, - изучение атрибутики шаманского костюма, шаманской практики, символики и т. д. В изучении костюма селькупского шамана большую роль сыграли публикации Г.Н. Прокофьева и Е.Д. Прокофьевой, основанные на фундаментальных источниках, полученных ими в 20-х – 30-х гг. XX в. [Прокофьева, 1949]. Техника художественнойковки металлических изделий в атрибутике шаманских костюмов народов Сибири исследована этнографом Л.Р. Павлинской на основе внешних визуальных признаков металлической пластики [Павлинская, 1988].

Археологическое обследование бассейна Верхнего Таза привело к открытию североселькупского грунтового могильника Кикки-Акки, расположенного в окрестностях одноименного села. Археологический памятник состоит из 22 погребений, из которых 18 были подвергнуты раскопкам в 2013, 2016 гг. В ходе работ получены уникальные материалы, характеризующие материальную и духовную культуру северных селькупов XVIII-XIX вв. Среди изученных особо выделяются два захоронения (№4 и №6), содержащие многочисленные атрибуты шаманского костюма. Обе могилы датируются второй половиной XVIII в. Как исторический источник, открытые комплексы представляют собой сложное явление, отражающее различные аспекты хозяйственной жизни, этногенеза и религиозных представлений северных селькупов. В их числе несомненный научный интерес представляют проблемы технологии кузнечного производства металлических изделий шаманского костюма, не являвшиеся ранее объектом специального исследования.

Погребение 4 представляет собой парное захоронение двух мужчин в возрасте 30-40 и 25-35 лет. Между умершими, в районе стоп и берцовых костей, выявлены остатки шаманской парки из оленьего и лосиного меха. На дне могилы обнаружены вещи от шаманского костюма. Среди них - изделия из латуни, оловянной бронзы, кости, дерева, меха, бересты, стекла, но большая часть - из железа. Всего 54 предмета. Коллекцию железных предметов составили: одно железное изделие «птичка»; три железные орнитоморфные изображения (две «гагары» и одна некая водоплавающая птица); четыре пластинчатые подвески с вытянутыми изогнутыми концами, стилизованными под змеевидную «голову» (причем, две из них имеют по одной «голове», две другие - по две «головы» и одна из двухголовых имеет на конце «хвостовое оперение»); шесть пластинчатых стержней от бубна с петельками и крючками на концах; девятнадцать железных шумящих трубчатых подвесок; четыре крупные железные пластины, напоминающие рога оленя; и одна слабо сохранившаяся железная пластина, относящаяся, скорее всего, к предыдущей группе. Всего 36 железных предметов.

Атрибуты шаманского костюма обнаружены также в погребении 6 рассматриваемого могильника. Погребенный мужчина (пятидесяти лет), судя по фрагментам одежды, был одет в парку из оленьего меха, а на его ногах были суконные штаны и пимы. В ходе расчистки костяка выявлены многочисленные металлические подвески, крепившиеся на разных частях шаманского костюма, в том числе: 17 железных трубчатых подвесок, 4 изогнутых пластины с петлями, 4 бронзовых шумящих подвески. Судя по положению вещей, почти все они были нашиты на парку. Кроме того, на пимах, в области костей голени, справа и слева, располагалось четыре экземпляра т.н. «костей шамана», имитирующих большие и малые берцовые кости. И, наконец, на костях стоп располагались изображения «медвежьих лап», в виде фаланг, увенчанных острыми изогнутыми когтями.

В результате металлографических исследований чернометаллических атрибутов шаманского костюма мы пришли к следующему заключению.

В целом, ассортимент кузнечной продукции насчитывает 13 – 15 наименований. Изученные поковки олицетворяют образы и представления, являвшиеся основой шаманской идеологии. Основным материалом в кузнечном производстве шаманского инвентаря выступала неравномерно науглероженная сталь. Концентрация углерода в стали, чаще всего, колебалась от 0,1 до 0,4%, реже – 0,4 – 0,6%. Из нее отковано около 2/3 продукции из погребения 4 и, примерно столько же, из погребения 6. Очень редко использовалась высокоуглеродистая сталь (два экземпляра из погребения 4 и один – из погребения 6). Наряду со сталью кузнецы иногда употребляли мягкое железо. В общей сложности из него отковано около 16% изделий. В единичных случаях отмечено применение пакетированных заготовок. Основой технологии производства рассмотренных атрибутов шаманского костюма являлась свободная ручная ковка железа и стали в горячем состоянии, с помощью которой заготовке придавали необходимую форму. Для железа и каждого сорта стали существовал свой интервал температур начала и концаковки. В среднем, температура началаковки – была 1100 – 1300°, конца – 800 – 900°. Нарушение указанного температурного режима приводило к серьезным дефектам. Судя по имеющимся аналитическим данным, селькупские кузнецы большей частью соблюдали температурные рамки свободнойковки, изредка допуская лишь незначительный перегрев металла. Есть основание считать, что железо и сталь тазовские кузнецы получали от русского населения. Подтверждением этого служат, с одной стороны, свидетельства российских и зарубежных исследователей Сибири XVII – XVIII вв. (В.Ф. Зуев, А. Кастрен, О. Финш, А. Брем, У.Д. Сирелиус), которые в ходе своих путешествий не встречали в крае мастеров-металлургов из местного нерусского населения. С другой стороны, имеются сообщения П.И. Третьякова, исследовавшего Туруханский край в середине XIX в., о существовании здесь торговли русскими товарами, включая железо. Центром торговли был Туруханск, куда тазовские селькупы привозили меха в обмен на товары русского производства. Кроме того, торговля русскими товарами, велась и по реке Таз. Не исключено также, что тазовские селькупы могли получать железо и с южного торгового пути. На это указывают записи П.И. Третьякова: «Остяки верховьев Таза для приобретения некоторых необходимых вещей ходят по реке Вах в Березовский округ» [Третьяков, 1871, с. 289, 303, 304]. Кузнецы, изготавливавшие поковки, владели комплексом технологических навыков и производственного оборудования, и в связи с этим являлись творцами форм и конструкций изделий, включая их сакральный образ. Обращает на себя внимание, что все изображения выкованы грубо. Сделано это намеренно. Чего не скажешь в отношении других поковок, например, наконечников стрел, копий, и т.п. Известно, что при описании частей шаманской одежды селькупы не говорили: «это перья», «это солнце», «это луна», а употребляли выражения: «подобно перьям», «подобно солнцу» и т.д. [Прокофьева, 1949, с. 340, 358]. В соответствии с этими представлениями, селькупские кузнецы ковали изображения, отличающиеся своей многозначительностью и не соответствовавшие реальному облику зверя, птицы, пресмыкающихся, подчеркивая условность воплощаемых в металле принадлежавших им признаков. Данные металлографических исследований подтверждают этнографические материалы о том, что железные подвески к бубну, парке, пимам ковались профессиональными кузнецами.

Литература

Павлинская Л.Р. Заметки о технике художественнойковки металла в шаманском костюме народов Сибири по коллекциям МАЭ РАН //Материальная и духовная культура народов Сибири: Сборник МАЭ. Л., 1988.

Прокофьева Е.Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана //Сборник Музея антропологии и этнографии. М., Л, 1949. Т. XI.

Третьяков П.И. Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1871.